

Узнающий детектив

Г•А•Л•И•Н•А

КУЛИКОВА

Смерть на высоких каблуках,
или Элементарно, Васин!

Изящный детектив от Галины Куликовой

Галина Куликова

**Смерть на высоких каблуках, или
Элементарно, Васин! (сборник)**

«ЭКСМО»

2014

Куликова Г. М.

Смерть на высоких каблуках, или Элементарно, Васин! (сборник)
/ Г. М. Куликова — «Эксмо», 2014 — (Изысканный детектив от
Галины Куликовой)

ISBN 978-5-699-71088-1

Перед вами книга, содержащая чертову дюжину детективных рассказов. В каждом из них есть загадка, которую не так-то просто разгадать. Преступники, конечно же, коварны и жестоки, а следователи ловки, умны и деятельны. Вместе с главными героями вам предстоит распутать преступление в музее театральных костюмов, раскрыть убийство известного фотографа, найти хитрый тайник, где спрятаны сокровища, и обвести вокруг пальца известного вора по кличке Факир. Также вы впервые встретитесь с детективом Савелием Васиным. Как говорит его мудрый наставник, бывший следователь прокуратуры, у Савелия, несомненно, большое будущее...

ISBN 978-5-699-71088-1

© Куликова Г. М., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Слепой случай	6
Элементарно, Васин!	15
Детская хитрость	22
Сладкая смерть	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Галина Куликова
Смерть на высоких каблуках, или
Элементарно, Васин! (сборник)

© Куликова Г.М., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Слепой случай

Когда Маша Бурова вышла из кинотеатра, город уже окутали сумерки. На улице было довольно прохладно. Маша поежилась и вдруг сообразила, что оставила плащ в своем кабинете. Она подняла голову и посмотрела на здание, в котором находился частный Музей театральных костюмов, где она работала. Ей повезло: в кабинете Дианы Кудрявцевой еще горел свет.

Музей располагался в левом крыле старого особняка, занятого в основном юридическими конторами. Здесь был отдельный вход, и Диана, которая всегда уходила последней, лично запирала его и включала сигнализацию. Проклиная свою забывчивость, Маша отправилась за плащом.

Сверкающая витринами улица выглядела нарядной и оживленной, но, когда Маша свернула под арку и попала в тесный, плохо освещенный дворик, шум стих, и ее каблуки гулко застучали по асфальту. Нет, женщинам не стоит работать допоздна.

Подойдя к входу, Маша нажала на кнопку переговорного устройства, но ответа не последовало. Подождав немного, она повторила вызов – и снова безрезультатно. Обеспокоенная, она достала из сумочки мобильный телефон и позвонила в офис. Бесплезно – личный номер Дианы отзывался длинными гудками. Неужели начальница ушла, забыв погасить свет? Довольно странно. Строгая и внимательная к мелочам, она ужасно не любила небрежности. Музей был ее любимым детищем, и в стремлении сберечь для него лишнюю копейку она требовала от подчиненных строжайшей экономии во всем – от бумаги и скрепок до телефонных разговоров. Все счета, в том числе и за электричество, она всегда подписывала сама.

Маша ступила на крыльцо и отперла дверь своим ключом – сигнализация не сработала. Что за ерунда? Входить в темный вестибюль было страшновато, и молодая женщина беспомощно оглянулась назад. Только тут она заметила, что автомобиль Дианы припаркован возле полуразвалившейся трансформаторной будки. Значит, начальница все-таки внутри. Но почему же тогда она не откликается на звонки?

– Диана! – крикнула Маша, пытаясь нащарить на стене выключатель.

Только после того как в вестибюле наконец зажегся свет, она решилась войти внутрь. И кто бы мог подумать, что музей, который она знала как свои пять пальцев, покажется ей сейчас таким страшным? Впрочем, она раньше никогда не оставалась здесь одна, да еще поздним вечером. Кабинет Дианы находился на втором этаже. Медленно поднимаясь наверх, Маша старалась ступать тихо, однако старая лестница проговаривала каждый ее шаг: шарк, шарк. Круглые потолочные лампы в коридоре второго этажа гудели от напряжения, и их хирургический свет резал глаза.

– Диана! – снова крикнула Маша, мелкими шажками продвигаясь по коридору.

На этот раз голос ее дрогнул – она увидела, что дверь в кабинет начальницы распахнута настежь. Однако оттуда не доносилось ни звука, ни шороха... Нужно было заставить себя дойти до кабинета и заглянуть внутрь. Маша почувствовала, что на затылке у нее шевелятся волосы. Вдруг за дверью кто-нибудь притаился?

Она остановилась и прислушалась. В музее было так тихо, что собственное дыхание показалось Маше сильным и опасно громким. Сбежать или все-таки рискнуть и войти?

Вытянув шею, она на цыпочках прокралась к двери, усилием воли преодолела последние метры... В тот же миг она в ужасе отшатнулась назад и, привалившись к стене, зажала рот ладонью.

Диана Кудрявцева лежала на ковре возле своего рабочего стола. Судя по всему, ее ударили по голове бронзовой статуэткой, брошенной тут же. Вокруг головы – темный ореол крови. Поборов приступ страха, Маша с колотящимся сердцем вошла внутрь. Она настороженно огля-

дывалась по сторонам. Что, если преступник все еще здесь, прячется... за занавесками? Она некоторое время смотрела на эти самые занавески расширенными глазами. Однако ни одна складка не шевельнулась. Маша прошмыгнула к столу и присела на корточки, протянув трясущуюся руку к горлу своей начальницы. И сразу поняла, что опоздала. Бесполезно искать пульс – Диана мертва.

Капитан Харитонов постукивал карандашом по массивному столу. Стол находился в кабинете главного бухгалтера музея, где оперативники оборудовали себе нечто вроде штаба. В тот день, когда произошло убийство, только этот кабинет был заперт на ключ, поставлен на сигнализацию и оказался единственным местом во всем музее, где убийца по определению не мог оставить никаких следов.

За окном прогуливалось пакостное серенькое утро, и следователь тщетно гнал от себя мысли о чашке крепкого кофе. Подготовку к расследованию он со своими людьми в основном завершил: информация об убитой собрана, свидетели опрошены, протоколы составлены. Следственная группа напряженно работает, пытаясь восстановить детали происшествия. К тому же оставался шанс найти какие-то зацепки, которые помогли бы раскрыть преступление по горячим следам.

У незамужней Дианы остался лишь один близкий родственник – младший брат Антон. Однако на первый взгляд этот самый брат выглядел вполне респектабельно, а его финансовые дела обстояли вполне благополучно. Он работал в солидной фирме и был там на хорошем счету.

Антон Кудрявцев появился в музее сразу после того, как Диану увезли. Ему не пришлось опознавать тело, и у детективов создалось впечатление, что Антон так до конца и не смог поверить в то, что его сестры больше нет в живых. Это был стройный тонкокостный мужчина, довольно высокий, светловолосый и слегка близорукий. Когда ему задавали вопросы, он шурил на детективов карие глаза, нервно протирая очки. Потом водружал очки на нос, но через какое-то время снова сдергивал их.

– У вас есть хоть какие-то подозрения? Кто мог убить вашу сестру? Возможно, у нее были враги? Что вы об этом думаете? Ведь что-то же вы думаете...

Антон развел руками и беспомощно посмотрел на Харитонova.

– Я думаю, это какая-то ужасная случайность. Никто не мог таить на Диану зла. Она была очень справедливой и доброй. Любила людей, ее тоже все любили... А подчиненные так просто обожали.

– Когда вы виделись с ней в последний раз?

– В среду. Да, точно. В среду я заезжал сюда. Диана приобрела для музея новый экспонат, хотела показать его мне.

– Что за экспонат? – поинтересовался Харитонов, делая пометку в блокноте.

– Н-не знаю, я так и не дошел до экспозиции. Лучше вам спросить у служащих. Диана говорила, что это какое-то платье, украшенное камнями.

– Дорогое?

– Не слишком. Среди театральных костюмов, которые входят в коллекцию, есть свои жемчужины, но украшения на них, конечно, бутафорские. Вместо камней – стразы. В основном экспонаты представляют историческую ценность.

– Про экспонаты я уже все выяснил, – шепнул Харитонову его помощник Гарик Белевич. – Там все в порядке. Ничего не пропало.

– Скажите, Антон, – кивнув головой, продолжал следователь. – А почему коллекция ваших родителей перешла в единоличное владение Дианы? Она была в семье любимым ребенком?

– Мне они завещали большую квартиру и загородный дом, – поспешно пояснил тот.

– А почему не наоборот? Обычно семейные реликвии переходят по наследству сыновьям. А дочери получают денежный эквивалент.

– Это как раз вполне объяснимо. – Кудрявцев откинулся на спинку кресла, однако поза показалась ему слишком вольной, и он поспешно вернулся в исходное положение. Немного поерзав, он наконец решил подняться на ноги.

– Не возражаете, если я немного похожу тут? Когда я нервничаю, мне необходимо двигаться, – зачем-то пояснил он.

Детективы продолжали выжидательно смотреть на него.

– Диана имеет... имела... специальное образование, – принялся объяснять Антон. – Она ведь художник-дизайнер, изучала историю театрального костюма и могла квалифицированно вести дела. Музей был ее детской мечтой. Как только появилась возможность, моя сестра немедленно ею воспользовалась.

– Что за возможность? – скучным голосом поинтересовался Харитонов.

– Ну... – Антон опустил голову. Взгляд его заметался по ковру.

– Ваша сестра была красивой женщиной.

– Да, конечно, – тот с радостью принял помощь. – Несколько лет назад у нее появился друг. Пожилой и богатый. Потом он умер, но кое-что оставил моей сестре в качестве... компенсации за потраченное на старика время.

– Компенсации хватило на то, чтобы купить помещение и открыть музей. Это дело хотя бы окупается?

– Да, – снова шепнул ему в ухо Гарик. – Все идет хорошо. Передвижные выставки приносят неплохую прибыль. Кроме того, у госпожи Кудрявцевой были хорошие связи.

Харитонов нелюбезно отпихнул помощника и с ленцой в голосе закончил, обращаясь к Антону:

– А то я было удивился, отчего родные вас прокатали с этой самой коллекцией.

– Ну, теперь я вам объяснил, – довольно нервно ответил Антон.

Засунув руки в карманы легкого пальто, он быстро расхаживал по кабинету. Потом, взмахнув полами, снова упал в кресло возле окна.

– Значит, вы говорите, что у вашей сестры не было врагов, способных размозжить ей голову статуэткой...

– Господи, какой ужас! Конечно, не было. Во всяком случае, я о них никогда не слышал. А у вас не появилось никаких свидетелей?

Харитонов отрицательно покачал головой. В ту же минуту у его помощника зазвонил сотовый телефон. Тот прижал его к уху и, выслушав сообщение, передал аппарат своему боссу.

– Кое-что новенькое.

Слушая собеседника, Харитонов делал пометки в блокноте. Иногда он поднимал голову и смотрел на Антона Кудрявцева, который, не находя себе места, вертелся в кресле. Гарик, проходя мимо, едва удержался от того, чтобы сочувственно не похлопать его по плечу.

– Здесь курить можно? – подал голос Антон, когда Харитонов закончил переговоры.

– Пожалуйста. – Он передвинул на край стола большую пепельницу и как бы между прочим спросил: – Послушайте, Антон, а почему вы нам ничего не рассказали про бриллиантовый браслет, который ваша сестра купила в начале этой недели?

Гарик Белевич видел, что шеф сознательно идет на провокацию. Он сам слышал донесение и понимал, что Кудрявцев мог и не знать о существовании браслета. Но тот только рукой махнул:

– А, бриллианты с изумрудами! – Сказано это было таким тоном, как будто для него покупка эксклюзивных украшений была самым обычным делом. – Да, Диана показывала его мне. Очень красивая вещь. Такая, знаете ли, змейка, вся переливается...

– Ну, так вот. Этой красивой вещи нигде нет. Ни в банковском сейфе, ни в домашнем, ни здесь, в офисе.

– Но его и не должно быть. Диана купила его в подарок.

– В подарок?! – не поверил Гарик Белевич. – Украшение стоимостью в десятки тысяч долларов? Конечно, дела у вашей сестры шли довольно неплохо. Но все равно я не думаю, что такие подарки были ей по карману.

– Вы не знали мою сестру! – воскликнул Антон.

Больше он ничего не добавил, считая, видимо, что сказал достаточно. Возникла короткая пауза. Кудрявцев курил, глядя в пространство, а детективы смотрели на него.

– Может быть, вы в курсе, кому предназначался столь невероятный подарок? – не выдержал наконец Гарик Белевич.

– В курсе. Во вторник в Москву нагрянула близкая подруга Дианы – Ольга Сердюкова. Они знакомы еще со школы. У них был какой-то женский секрет, Диана так и не поделилась со мной. Знаю только, что в молодости они вместе пережили что-то вроде приключения, и Ольга якобы спасла моей сестре жизнь. Ни больше ни меньше. Диана давно лелеяла мысль отблагодарить ее. Ольга помолвлена с очень влиятельным человеком. Она приехала в Москву как раз накануне свадьбы, вот Диана и решила, что настало время сделать красивый жест.

– Это она сама вам рассказала?

– Разумеется, сама. Ну, не в этих выражениях, может быть, но таков общий смысл.

Харитонов незаметно подмигнул своему помощнику. Спустя несколько минут тот под каким-то предлогом вышел из кабинета. Некоторое время Харитонов задавал Антону вопросы, затем поинтересовался:

– Вы можете еще ненадолго остаться?

– Сколько скажете! – вскинулся тот. – Все равно я сейчас не смогу ничем заниматься. И работать не смогу. Не напиваться же в начале дня...

– Прекрасно. Подождите, пожалуйста, здесь.

Харитонов быстро сбежал по лестнице и через минуту очутился в вестибюле. Гарик Белевич уже шел навстречу. Вид у него был обескураженный.

– Спешу тебя разочаровать. Подруга Дианы находилась в том самом самолете, который во вторник ночью упал в океан на пути в Нью-Йорк.

– Плохая новость, – поджал губы его босс. – Даже подозрительная.

– Ты что, думаешь, Кудрявцев сам подстроил эту катастрофу? – насмешливо спросил Гарик.

– Я думаю, Кудрявцев – блестящий выдумщик. Семья почему-то не доверила ему лекцию, которую собирали его предки. Возможно, неспроста. Вдруг он не заслуживает доверия? Играет в азартные игры? Выясни, и побыстрее. Рулетка, покер, бега, что там еще? Думаю, что историю про спасение жизни сестры он сочинил. Когда узнал, что Ольга Сердюкова со своим женихом погибли в авиакатастрофе, он посчитал это подарком судьбы. Если бы браслет в самом деле находился на борту, он пропал бы вместе с самолетом. Удобно, ничего не скажешь.

– Ты его подозреваешь? – поднял брови Гарик. – Думаешь, он взял браслет и из-за него убил свою сестру?

– Это всего лишь догадка, ощущение. А нам нужны улики. Мои ощущения к делу не пришьешь.

– А мне этот тип кажется довольно искренним. Он такой... ошарашенный.

– Если ты кого-нибудь пристукнешь, тоже некоторое время будешь ошарашенным, уверяю тебя.

– Ну, это с непривычки, – пробурчал тот. – Думаю, трупы к десятому нервишки наверняка закалятся.

Белевич снова поднялся на второй этаж, а Харитонов окликнул дежуривший на входе оперативник:

– Здесь к вам посетительница. Уверяет, что это очень срочно. Она вроде как свидетельница убийства.

Через некоторое время Харитонов ворвался в кабинет, не скрывая своего возбуждения:

– У меня новости, – с порога заявил он. – Похоже, дело вот-вот будет раскрыто.

И Гарик Белевич, и Антон Кудрявцев невольно подались вперед. У обоих были одинаково напряженные лица.

– У нас появился свидетель, – продолжал Харитонов.

– Кто?!

– Некая Лариса Илларионова. Знаете такую? – он повернулся к Антону.

– Впервые слышу, – без колебаний ответил тот.

Харитонов повел бровями, и было непонятно, доволен он таким ответом или усомнился в его искренности.

– Эту девушку ваша сестра Диана наняла на работу в тот роковой вечер, когда все служащие уже разошлись. Включая охранника, кстати. Музею требовался секретарь, Диана говорила об этом своим друзьям и знакомым, и Лариса Илларионова явилась по рекомендации одного из них.

– Она что, появилась здесь, когда никого из сотрудников уже не было в музее? – уточнил Гарик. – Почему же так поздно?

– Лариса позвонила уже ближе к вечеру, и Диана тут же предложила ей приехать – мол, рабочий день у руководства все равно ненормированный.

– Диана любила этот чертов музей, – со слезой в голосе подтвердил Антон. – Вкалывала, как десять мужиков. Она только выглядела нежной и слабенькой. А на самом деле была крепень.

– Кстати, эта Лариса даже успела поработать. Целых полчаса. Примерно с девяти до половины десятого вечера она сидела внизу, в вестибюле, за столом, и знакомилась со своим рабочим местом.

– Но ведь в половине десятого за плащом вернулась Мария Бурова! – вспомнил Гарик. – Почему же они не встретились?

– Новая секретарша ушла прямо перед появлением Буровой. Диана заранее попрощалась с ней, и девушка больше не поднималась вверх. Она просто вышла и захлопнула за собой дверь.

– Хочешь сказать, она все время была внизу? И даже в момент убийства?

– Вот именно.

– Но мы выяснили, что убийца мог войти и выйти только через главный вход, – недоверчиво сказал Гарик. – Сигнализация на окнах включена круглые сутки. Она осталась нетронутой.

– Выходит, эта девушка... Лариса... видела убийцу? – изумленно спросил Антон.

– Лариса не видела, как он вошел, потому что как раз в начале десятого зазвонил второй телефон – он висит на стене, недалеко от стола. Когда она взяла трубку, ей никто не ответил. Надо полагать, что это был отвлекающий маневр, которым воспользовался убийца. Пока девушка возилась с телефоном, он мог быстро войти в холл и незамеченным подняться по лестнице: из-за перегородки новая секретарша его увидеть не могла.

– А как он открыл дверь?

– У входа есть переговорное устройство. Видимо, Диана сама его впустила. Но дело не только в этом. Дело в том, что Лариса Илларионова хорошо рассмотрела этого человека, когда он выходил.

– Вот это да! Где же она была раньше?! – воскликнул Антон.

– За городом. На работу ей предстояло выйти лишь завтра. Она не сразу узнала о случившемся. О самой Ларисе нам никто ничего не рассказал просто потому, что о ней и не знал никто. По крайней мере, никто из служащих музея.

– Она что, готова описать этого человека? – не поверил Гарик. – И даже опознать его?

– Вот именно.

– Не может быть, – пробормотал потрясенный Антон.

– В это действительно невозможно поверить, – пожал плечами Гарик. – Что же получается? Преступник незаметно проскользнул в здание, убил хозяйку музея, а потом вышел, уже абсолютно не таясь и дав себя рассмотреть со всех сторон секретарше на входе?

– Странно, правда? – усмехнулся Харитонов. – Но пусть лучше Лариса Илларионова сама все расскажет. Я сейчас ее приглашу.

– Так она здесь? – оживился Гарик.

– Только что явилась. Очень толковая девушка. Быстро и внятно изложила свою историю. И я сразу поспешил к вам, чтобы поделиться новостью и, так сказать, привести мысли в порядок, прежде чем начать официальный допрос.

Антон Кудрявцев снял очки, подышал на них, протер чистым, но мятым платком и снова водрузил на нос.

– Я могу остаться? – с надеждой спросил он.

– Да, пожалуйста. Вы нам еще понадобятся. Гарик, спустись вниз, к дежурному, приведи ее сюда.

Через несколько минут дверь открылась, и в комнату вслед за оперативником вошла высокая стройная девушка в больших дымчатых очках. На ней были узкие черные брючки и свободный голубой свитер. Светлые волосы повязаны голубой косынкой.

– Разрешите представить – Лариса Илларионова, – официальным тоном сказал Харитонов и слегка склонил голову, словно распорядитель бала, представляющий именитую гостью. Девушка едва заметно улыбнулась Белевичу, потом повернулась к Антону и внезапно сделала шаг назад:

– О господи! Вы нашли его?!

– Кого? – быстро переспросил Харитонов.

Лариса Илларионова прижала руки к животу, как будто хотела защититься.

– Но ведь это тот самый человек, который вышел из музея в ту самую ночь... Примерно в четверть десятого. Я говорила вам именно о нем!

Антон Кудрявцев вскочил, едва не свалив кресло. Глаза его за стеклами очков пылали, ноздри раздувались от ярости.

– Полная чушь! Вы несете чушь, девушка. Совершенно беспочвенное обвинение. В пятницу я не виделся со своей сестрой. Вы ошибаетесь! Вот так-то.

Через стекла дымчатых очков Лариса смотрела на него бестрепетным взглядом. Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Ни тени сомнения не промелькнуло на нем.

– Это были вы. Я не ошибаюсь.

– Если не ошибаетесь, значит, вы лжете! – парировал Антон.

– Но она вас сразу узнала, – возразил чрезвычайно впечатленный этой сценой Гарик.

– Да чушь это, чушь! Она не могла меня узнать, потому что...

– Договаривайте, – подбодрил его Харитонов. – Что вы хотели сказать? Потому что – что? Антон замялся, с остервенением пережевывая свою нижнюю губу.

– Потому что он думал, что я его не видела, – заявила Лариса. – Он очень тихо спустился по лестнице и выскользнул на улицу. Замок лишь негромко шелкнул, я могла и не услышать.

– А вы что?

– Ничего. Сделала вид, что в самом деле не замечаю его. Если человек не хочет поздороваться, глупо настаивать.

Харитонов в упор смотрел на сильно побледневшего Кудрявцева и попытался вернуть его к жизни:

– Антон, вы слышите, что она говорит?

– Да врет она все! – повысил голос тот. – Она не могла меня видеть! Не могла! – От досады и ярости он даже топнул ногой. – Она... Она же слепая!

– Чушь собачья, – презрительно бросила Лариса. – Я ношу очки, но это не значит, что я слепая. Вы же не слепой, хотя тоже их носите. Кстати, – она сняла свои очки. – Вы кое-что уронили.

Антон наклонился и поднял выпавший у него из кармана рекламный проспект. Потом поднял голову. Девушка смерила его с ног до головы спокойным взглядом.

– Этого не может быть, – процедил он. – Диана сказала, что вы ничего не видите. Что вы слепая!

– Да это самая настоящая чушь, – покачала головой Лариса. – Она имела в виду, что у меня сильные линзы. Иногда так говорят про людей – глухая тетеря или слепая сова, имея в виду, что они плохо видят или слышат. Вы восприняли все слишком буквально.

– Я знаю точно! – почти завизжал Антон. В уголках его губ появилась слюна, глаза сделались совершенно бешеными. – Я подошел сзади и тряс рукой прямо перед вашим носом! Вы даже не шелохнулись! Зрячий человек просто испугался бы! Вы слепая, слепая!

– Прекратите, Кудрявцев, – прикрикнул на него Петр Харитонов. – Говорите, вы трясли рукой прямо перед ее носом? А помнится, раньше вы заявляли, что вообще не были в музее в пятницу.

– Я... – Антон опустился в кресло и закрыл лицо руками. – Диана обманула меня. Она сказала, будто только что наняла на работу слепую секретаршу. Будто ее просили за эту девицу какие-то друзья из инвалидного фонда. Она не могла отказать. Объяснила, что это своего рода благотворительность... Зачем она обманула меня? – Он отнял руки от лица и смотрел на Ларису гневно, словно она оскорбила его в лучших чувствах. – Диана ясно сказала, что девчонка внизу ни черта не видит...

– Спокойно, Кудрявцев, – жестко бросил Харитонов и обратился к своему помощнику: – Вот и объяснение такому странному поведению убийцы. Когда этот тип подошел к музею, он сквозь стеклянные двери увидел, что в вестибюле за столом сидит девушка. То есть потенциальный свидетель. У него наверняка записаны все телефонные номера музея, в том числе того самого, что висит на стене позади стола. Полагаю, вы сразу смекнули, – теперь он обращался уже непосредственно к Антону, – что, если девушка захочет ответить на звонок, ей придется отвернуться от двери. Вы позвонили и отвлекли ее внимание. Потом нажали на кнопку переговорного устройства. Услышав знакомый голос, сестра сразу же впустила вас. Вы поднялись на второй этаж, вошли и... Не знаю. Возможно, сказали, что еще раз хотите посмотреть на браслет?

– Я ничего не знал о браслете, – пробормотал Кудрявцев. Голос его сделался безвольным, плаксивым, словно только что поменял хозяина. – Я не звонил в музей, чтобы отвлечь секретаршу. Я не видел ее! Это была случайность. Кто-то другой позвонил, а в этот момент я, наверное, по переговорному устройству как раз связался с сестрой. Я просто поднялся по лестнице, ни от кого не прячась.

Диана в тот вечер выглядела очень довольной. Похвасталась этим браслетом... А у меня, как назло, были ужасные проблемы с деньгами. Я встретил одну женщину... А, неважно! В общем, я подумал: почему у сестры есть все, а у меня ничего? А Диана, как всегда, начала подсмеиваться, дескать, она такая крутая, и я ей завидую. Ну, тогда я вспылil и...

– Тогда вы вспылили, схватили со стола статуэтку, размахнулись и ударили вашу сестру. Удар пришелся в висок, она упала. Вы вытерли статуэтку и бросили ее на пол. Возможно, воспользовались тем самым носовым платком, который у вас в кармане. Впрочем, думаю, от того носового платка вы давно избавились.

Спускаясь по лестнице, вы уже знали, что внизу, в вестибюле, за столом сидит новая секретарша. Диана убедила вас, что девушка слепая и принята на работу вроде как в целях благотворительности. Просто отвечать на звонки. Вы шли вниз, стараясь ступать очень тихо. Однако вам наверняка было не по себе, ведь правда? Девушка хоть и слепая, но все же живой человек, который при этом выглядит на все сто... – детектив мазнул взглядом по Ларисе Илларионовой, и ее щеки немедленно порозовели. – Вы должны были убедиться в том, что девушка в самом деле вас не видит. Вы подошли к ней, протянули руку и помахали возле ее лица. Она никак не отреагировала, и тогда вы решили, что она действительно слепая. Вы вели себя, мягко говоря, странно, и она сочла, что не стоит обращать на вас внимания. Так что вы увидели лишь то, что хотели увидеть. Я угадал, Кудрявцев? Все было именно так?

Тот ничего не ответил.

Когда Кудрявцева увели и детективы остались одни в комнате, Гарик Белевич повернулся к Харитонову и, глубоко вздохнув, сказал:

– Просто не верится. Как ловко ты расколол этого типа!

– Лариса довела его до бешенства. Кстати, она сейчас внизу, пьет кофе с нашим дежурным. Ее нужно отвезти домой. Ты не против?

– Конечно, нет. Такая девушка, пальчики оближешь.

– Смотри не подавись.

Гарик легко сбегал вниз по лестнице и, улыбнувшись Ларисе, галантно сказал:

– Мадемуазель, я готов быть вашим шофером.

И двинулся вперед, ожидая, что девушка встанет и присоединится к нему. Но она осталась сидеть, только выпрямилась на своем стуле.

– Подайте, пожалуйста, руку, – попросила она, очаровательно улыбнувшись. – По-моему, вы тоже поверили, что я зрячая.

У Гарика Белевича отвисла челюсть.

– Вы хотите сказать...

– Здесь, в музее, я должна была только отвечать на телефонные звонки. Кроме того, я умею печатать. Пойдемте, Гарик, я все расскажу вам по дороге.

– Но если... если вы действительно не видите, тогда я вообще ничего не понимаю, – недоуменно говорил Белевич, ведя машину. – В тот вечер, когда вы пришли наниматься на работу...

– Меня подвезли друзья и проводили прямо до кабинета, пообещав встретить в определенное время. После разговора Диана спустилась со мной в холл и помогла освоиться, объяснив, что и как в нем расположено.

– Ну, хорошо. Это понятно. Но рекламный проспект! Ведь вы угадали, что у Кудрявцева из кармана выпал листок бумаги!

– Потеря зрения обычно компенсируется обостренным слухом, вы разве не в курсе? Я слышу многое из того, что недоступно зрячим. По звукам я догадываюсь, что происходит вокруг.

– Но как вы узнали Кудрявцева, лишь войдя в комнату? Как вы догадались, что это тот же самый человек, который подходил к вашему столу в тот роковой вечер? – не унимался Гарик. – Вы же не могли узнать его по звуку дыхания!

– Конечно, нет, – ответила Лариса. Горячность оперативника, казалось, забавляла ее. – Я узнала его... ну, скажем, по запаху. В тот раз он подходил очень близко. Уверяю вас, такое

опознание гораздо более надежно, чем опознание по внешнему виду. Для меня все люди очень индивидуальны. С потерей зрения обостряется не только слух, но и другие чувства. Хотя ваш босс, конечно, во многом подыграл мне. Он заранее предупредил, где находится подозреваемый и куда нужно повернуть голову. Так что я не была застигнута врасплох.

– Господи, но если вы слышали, как Кудрявцев, выходя из музея, подкрался к вам и помахал рукой возле вашего лица, почему же вы сделали вид, что ничего не замечаете?

– Ну сами подумайте. Сверху спускается человек. Наверху лишь моя новая начальница Диана. Я решила, что она рассказала этому человеку о моей слепоте, и теперь он просто валяет дурака. Иногда люди ведут себя не слишком достойно, если думают, что их нельзя увидеть.

Они немного помолчали, потом Белевич спросил:

– А что еще особенного есть в вашем восприятии мира?

– У меня хорошо развито воображение, – безо всякого смущения ответила его пассажирка.

– Да? – Гарик чуть приподнялся, бросил взгляд в зеркальце заднего вида и остался, безусловно, доволен своей внешностью. – А что подсказывает вам воображение в отношении меня?

– Ну... Мне кажется, вы очень симпатичный и мужественный.

Польщенный Гарик хмыкнул, не сумев скрыть удовольствия. Лариса между тем отвернулась к окну. «Стесняется, – подумал Гарик. – Вероятно, ее смутило собственное признание».

Лариса улыбалась, спрятав лицо от симпатичного и мужественного Белевича.

Элементарно, Васин!

– Савелий, у меня самолет в Осло! Мне в аэропорт через три часа выезжать, а чемодан еще не собран...

– Юрий Иванович, ну умоляю! Хотя на часик, туда и обратно на машине. И в аэропорт доставим в лучшем виде.

– Знаю я ваш «лучший вид». В последнюю минуту вылетим с мигалками и сиренами, разбудим полгорода и намертво застрянем в пробке. Я опоздаю на рейс, опоздаю к началу конгресса. Савелий, давай потом, ладно? Я возвращаюсь через неделю.

– Юрий Иванович, шахматы – дело святое, но тут человека убили. Юрий Иванович, я чувствую, тут можно и по горячим следам... Я чувствую, вы сразу все поймете.

– Чувствую, чувствую... Твои бы ощущения, Васин, на благое дело использовать. В целях более эффективной борьбы с преступностью.

– Так я еду за вами?

– Савелий! Только на час, и тут же обратно домой. На шахматный конгресс такого уровня я опоздать не имею права.

В своей недолгой профессиональной карьере молодой следователь Савелий Васин с убийствами сталкивался всего лишь дважды. Один раз это оказалось банальной бытовухой: пьяный в лоскуты муж-убийца мирно спал рядом со своей несчастной бывшей женой, которая, как выяснило следствие, на момент совершения преступления была пьяна не менее супруга. Орудие преступления – огромная деревянная скалка – валялось здесь же.

Второй раз Васину пришлось изрядно помучиться, разыскивая негодяя, который нападал в подъездах на пожилых женщин и душил их электрическим проводом. Вот тогда он впервые обратился к своему наставнику, бывшему следователю по особо важным делам прокуратуры, который читал у них в институте лекции по криминалистике. Юрий Иванович Бойко слыл среди профессионалов следователем-интеллектуалом, его ценили, уважали, однако за излишнюю проницательность в некоторых делах все же отправили на пенсию. Теперь он читал лекции будущим служителям правопорядка, консультировал своих бывших воспитанников и сослуживцев, перешедших в частные охранные структуры, а все свободное время отдавал давней страсти – шахматам. За клетчатой доской Юрий Иванович чувствовал себя так же уверенно, как и при расследовании преступлений.

Васин был парнем шустрым и любознательным, за что особенно нравился старому следователю. Поэтому когда Савелий начал работать в органах и порой обращался к Бойко за помощью, тот никогда ему не отказывал. Чаще просто помогал советом, но порой всерьез подключался к расследованию. Например, дело о маньяке-душителе они завершили вместе. И вот теперь – снова убийство...

– Юрий Иванович, дорогой! Спасибо, что согласились, а то я со вчерашнего дня глаз не сомкнул. Вечером – вызов. На улице Кукина найден труп мужчины...

– Прямо на улице? – съязвил Бойко, удобно располагаясь на заднем сиденье. Затем отвлекся. – Смотри ты, на иномарках стали разъезжать. В мои-то годы все больше на стареньких «Волгах» ездили, а раскрываемость была не в пример выше.

– Ну что вы в самом деле, – насупился Савелий. – Не на улице, конечно, в доме. Вы же не дали мне закончить... А иномарки – что? Технический прогресс.

– Не прогресс это, а финансирование хорошее. Ну, ладно, это стариковское у меня. Давай к делу, только по порядку и подробно. И помни – у нас всего один час.

– Слушаюсь, Юрий Иванович. Значит, так. В квартире дома на улице Кукина обнаружен труп мужчины. Лебедев Сергей Алексеевич, фотограф, креативный директор гламурного журнала «Нонсенс».

– Какой-какой директор? – уточнил Бойко.

– Креативный, в смысле – творческий. Идеи по оформлению выдает, – несколько туманно пояснил Васин.

– Да, заковыристо все стало. Раньше самая сложная профессия у покойников была инженер-изобретатель, в крайнем случае – кибернетик. Ну, хорошо, дальше рассказывай, а то брюзжать начинаю.

– Обнаружила тело мать убитого, которая приехала к нему около девяти вечера – забрать какие-то нужные бумаги. Договаривались они об этом еще накануне, так что в этот день по телефону не общались. На звонки никто не откликался, но у нее есть комплект ключей от квартиры, на всякий случай. Она решила дожидаться сына, так как завтра у нее были запланированы другие дела. Милицию мать Лебедева и вызвала. Когда пришла в себя.

– И как выглядело место преступления?

– Дом кирпичный, «сталинка», так что хоромы там большие, потолки очень высокие. Лебедев жил в трехкомнатной квартире, которая досталась ему от родителей, точнее – от отца-академика. Он ушел из семьи, когда Сергей был еще ребенком, однако в завещании сына не забыл упомянуть. В квартиру эту Лебедев переехал четыре года назад и использовал в основном как студию.

– То есть не жил там? – быстро переспросил Бойко.

– Нет, почему, жил. Просто одну комнату сделал спальней, а две другие превратил в один большой зал, где у него было полно всякой съемочной аппаратуры, декораций и так далее. Впрочем, скоро увидите сами. Так вот, тело Сергея Лебедева лежало на полу этой студии. Пал наизнич, руки раскинуты в стороны. Одет в джинсы и майку, но босиком. Впрочем, у меня с собой фотографии есть.

Васин вынул из внутреннего кармана и протянул собеседнику небольшую пачку снимков. Юрий Иванович надел очки в старомодной коричневой оправе и принялся внимательно изучать фотографии. Потом вернул их Савелию и попросил его продолжить рассказ.

– Эксперты считают, что смерть наступила не позже полудня вчерашнего дня, так что к моменту приезда матери Лебедев был уже часов восемь-девять как мертв. Точнее – убит.

– Как именно?

– Ударом сзади по голове. Точнее – сзади справа.

– Чем били, установлено?

– Если бы мы разговаривали минувшей ночью, сказал бы – тяжелым предметом с острым краем. А сейчас отвечаю точно – тяжелой бронзовой пепельницей. Прямо углом висок и проломили.

– То есть, – приподнял брови Юрий Иванович, – орудие убийства на месте. Может быть, и отпечатки есть? Или убийца эту пепельницу тщательно протер?

– Отпечатков полно. И все принадлежат одному лицу.

– Убитому?

– Нет, Юрий Иванович. Хотя Лебедев и курил, его отпечатков на ней почему-то нет.

– Савелий, не тяни кота за хвост. Вы уже установили, чьи отпечатки? Или не можете пока определить? По базам они проходят?

– Установить-то установили, но... В общем, по всем имеющимся базам обнаружить владельца пальчиков не удалось. Стали проверять ближний круг – и вот результат. Отпечатки принадлежат невесте Лебедева, Наталье Прянишниковой. И соответственно в квартире их тоже полно. Как, впрочем, и отпечатков других людей. Всех, естественно, установить пока не удалось – времени было мало.

– Орудие убийства есть, отпечатки на нем есть, владельца отпечатков установлена. У тебя как минимум есть подозреваемый, а как максимум – убийца. Савелий, что ты хочешь от меня? Мне ведь в Осло лететь. Останавливай машину!

– Юрий Иванович, – взмолился Васин, – это еще не все. Можно я закончу, а тогда решайте – останавливать машину или ехать дальше. Хотя мы уже приехали.

В этот момент машина действительно притормозила у какого-то дома. Видимо, это и была улица Кукина. За долгие годы следственной работы Бойко достаточно хорошо изучил город, однако в этом месте ему бывать не приходилось.

– Ладно, – проворчал он, открывая дверцу. – Веди в квартиру, по дороге закончишь.

Но едва Бойко и Васин ступили на тротуар, как под ногами у них что-то громко захрустело и заскрипело.

– О черт! – выругался Савелий. – Тут какую-то дрянь рассыпали.

– Не дрянь, а стекло, – с досадой констатировал Юрий Иванович, разглядывая попеременно подошвы своих пижонских замшевых ботинок. – Ты, дружок, мне теперь обувь новую должен приобрести. За казенный счет. А то, если я по норвежской столице с таким скрипом пройду, меня арестуют за нарушение общественного спокойствия. Вот ведь мерзавцы, поменять толком не могут!

– Что поменять? Ботинки? – не понял Васин.

– При чем тут ботинки... Рекламу.

– А при чем тут реклама?

– Притом, мой дорогой, что мы сейчас топчемся на остатках рекламной вывески, которую недавно демонтировали. Вон, видишь, еще несколько кусков стоят возле дверей магазина. Ну да ладно, пошли быстрее. Не ботинки – времени жалко.

– А чего ты вообще на другой стороне улицы встал? – набросился вдруг Васин на водителя. – Высадил бы нас у подъезда, а потом уж парковался.

– Да там вообще места нет, – обиженно пробубнил шофер. – Вам тут два шага пройти, вон ваш подъезд, прямо напротив.

– Ладно, – оборвал перебранку Бойко. – Пошли, Савелий.

Они быстро пересекли неширокую улицу и вошли в нужный подъезд.

– Так вот, – продолжил Васин прерванный в машине разговор. – Я бы не стал вас тревожить, Юрий Иванович, но ситуация настолько странная, что... В общем, с утра мы начали опрос свидетелей. Определили круг знакомых, друзей, сослуживцев, ребята прошли по соседям. Но в первую очередь меня заинтересовала именно невеста Лебедева, Наталья Прянишникова. Мать покойного, некоторые соседи, двое его друзей рассказали, что у вполне безобидного, мягкого и неконфликтного Сергея в последнее время были очень серьезные ссоры с Наташей. Что-то у них расстроилось, и вместо ожидаемой свадьбы начались скандалы, иногда – прилюдные. Наташа, по свидетельству тех, кто ее знает, девушка импульсивная, взрывная, решительная.

– Причина скандалов известна? – рассеянно спросил Бойко, оглядывая квартиру метр за метром.

– В том-то и дело, что нет. Все как-то в общем. Типа – негодяй, ты еще увидишь, пожалеешь и в том же духе.

– А Лебедев?

– Он в основном отмалчивался, пытался все замять. Видимо, не хотел на людях ссориться. Да и вообще был, похоже, противником подобных взаимоотношений.

– И мать ничего не знала? – поинтересовался, не прекращая осмотра, Юрий Иванович.

– Ничего. Хотя, очевидно, женщина любопытная и к личной жизни сына небезразличная. В общем, когда ребята приехали к этой Наталье домой, она преспокойно спала. Когда ей объяснили, в чем дело, стала биться в истерику, кричала, что не верит, требовала отвезти ее к любимому. Отвезли. Прямо здесь, в квартире, она устроила настоящий спектакль. Пересказывать это тошно, но общий посыл – Лебедева убила одна из баб, с которыми он ей постоянно изменял и список которых она готова нам предоставить.

– И вы сняли у нее отпечатки и обнаружили, что они совпадают с теми, которые были на орудии убийства...

– Так точно и было. Вот тут я понял, что без вашей помощи быстро разобраться не смогу.

– Разумеется, – хмыкнул Бойко, с удивлением рассматривая разнообразную фототехнику, расставленную на штативах по всему периметру студии. – Я, видимо, понадобился для того, чтобы в душевном разговоре с девушкой убедить ее собственноручно написать чистосердечное признание. Ведь это единственное, чего тебе сейчас не хватает.

– Не получится, – как-то странно усмехнулся Савелий.

– Что не получится? – отвлекся от осмотра Бойко и взглянул на Васина.

– Не напишет она ни для вас, ни для меня чистосердечное признание. Не сможет.

– Это почему же? С ней что-то случилось?

– Еще как случилось. У нее рука сломана. Правая. Она уже вторые сутки в гипсе. От плеча до кисти включительно.

– Ого, – покачал головой Бойко. – Это серьезно. Могла бы, конечно, и левой написать, однако... Да, я тебя понимаю. Ударить она, получается, не могла. А эксперты уверены, что именно так был нанесен удар – сзади справа?

– Уверены. Так же как и в том, что у этой бывшей невесты реальный перелом, а не симуляция. Я уже все об этом выяснил, с врачами в ее поликлинике разговаривал. Она сломала руку до убийства и при таком переломе при наличии гипса просто технически не могла нанести такой удар.

– Но следы на пепельнице только ее, и это аргумент.

– Аргумент. Но что делать теперь? – спросил явно расстроенный Васин.

– Искать убийцу, – буднично отозвался Бойко. – Причем времени у нас осталось немного. Если ты помнишь, у меня сегодня...

– Да помню я, Юрий Иванович, самолет у вас, в Осло! – взвыл Савелий. – Но мы тут уже все перешерстили, каждую пылинку исследовали. Ничего интересного нет. И что теперь делать, сколько все это протянется?..

– Да, а ты как думал? За день раскрыть?

– Честно? Очень надеялся. Не за день, так за два-три дня. А теперь... Если мы сейчас начнем списки его баб исследовать, да еще весь этот его гламурно-журнальный мир – утонем в болоте всякой грязи.

– Если в этой грязи таится убийца, значит, наше дело – копаться в ней, пока его не найдем. Впрочем, если постараться, можно и за день. Слушай, Савелий, а для чего ему столько фотокамер? Технология такая?

– Наверное. С разных точек снимают, разная оптика, всякие там объективы, насадки, фильтры и прочая профессиональная экзотика. Да еще фотоархив у Лебедева знаете какой! Впрочем, там ничего интересного для нас нет, хотя все очень красиво и эротично.

– А последние его снимки проявили? Вот с этих камер? Или не проявили, а... как теперь это делают? В общем, если в них есть фото, я хотел бы взглянуть.

– Конечно, Юрий Иванович. Это мы в первую очередь сделали.

Васин порылся в объемистом чемоданчике, который принес с собой, и передал Бойко внушительный конверт из плотной бумаги.

Минут двадцать тот самым внимательным образом рассматривал фото, потом вновь обратился к своему воспитаннику:

– Хочу взглянуть на столь впечатливший тебя архив.

На быстрый осмотр архива Юрий Иванович потратил еще минут двадцать, чем весьма удивил Васина, – такое поверхностное исследование было не в характере старика.

Еще некоторое время Бойко стоял у открытого из-за летней духоты окна и, тихо насвистывая, о чем-то думал. Потом неожиданно обернулся и, стремительно подойдя к столику,

где были разложены фотографии, начал составлять из снимков какой-то одному ему ведомый пасьянс. Некоторое время задумчиво смотрел на результат, снова смешивал фото и снова выстраивал их. Наконец, вытащив одну фотографию, протянул ее Васину:

– Вы установили, кто эта женщина? Я думаю, вы должны были это уже сделать.

– Да, конечно. Я понимаю, почему вы спрашиваете. Мы тоже обратили внимание, что в фотосессиях Лебедева присутствуют в основном три модели. Одна – Наташа Прянишникова. В редакции журнала «Нонсенс» нам рассказали, что Сергей с Наташей так и познакомились. Ее по запросу журнала прислало какое-то модельное агентство, и Сергей начал снимать Наташу для рекламы. Еще одна девушка – вот на этих снимках, Олеся Костина, примерно полгода назад вышла замуж за японца и уехала из страны. А на фотографии, которую вы выбрали, – Алла Боярцева. Но она только сегодня вернулась с дачи, уезжала отдыхать со своим молодым человеком, так что поговорить с ней успели только по телефону. Очень расстроилась, когда узнала про смерть Лебедева, заплакала. А в чем дело?

– Савелий, у меня к тебе просьба. Я же человек теперь цивилизный, а ты при исполнении. Будь другом, сходи в супермаркет, который в доме напротив, и спроси вот что.

Тут Бойко быстро черкнул в своем блокноте несколько слов, вырвал листок и протянул его недоумевающему Васину.

Савелий вернулся довольно быстро и радостно сообщил:

– Они очень извинялись за мусор на асфальте, обещают сегодня же все убрать. А вот что касается другого вопроса...

Бойко выслушал информацию спокойно, однако было заметно, что он очень доволен, казалось, именно это он и ожидал услышать.

– И что теперь? – нетерпеливо спросил Васин.

– А теперь, будь любезен, выполни еще две мои просьбы.

– С удовольствием. Какая первая?

– Дай распоряжение, чтобы твои молодцы съездили домой к Алле Боярцевой и для начала задержали ее.

– За что? – воскликнул пораженный Васин.

– За убийство Сергея Лебедева. Я не суд, но процентов девяносто, что это она. Почему ты не спрашиваешь, какая вторая просьба?

– И какая? Еще кого-нибудь задержать?

– Нет. Отвези-ка ты меня, дружище, в аэропорт. Мне, если ты, конечно, помнишь, сегодня лететь в Осло.

– Понимаешь, Савелий, – уже в машине объяснял Бойко. – У тебя в руках было все, чтобы сделать те же выводы, которые в итоге сделал я. К вашей чести, молодой человек, отмечу, что вы при сборе улики на месте преступления действительно не упустили ни малейшей детали. И сделали даже вот этот снимок.

Тут Юрий Иванович ткнул пальцем в лежащую у него на коленях фотографию.

– Действительно, вроде бы брак, случайность, смазанное изображение, можно было пропустить, не распечатывать и так далее. Но мы же с тобой знаем, иногда ерунда какая-то оказывается серьезнейшей уликой. Почему наша милая барышня решила убить Лебедева, тебе еще предстоит выяснить. Надеюсь, ты будешь держать меня в курсе дела. Но вот это фото – решающее свидетельство того, что Боярцевой есть что скрывать. Во всяком случае, она определенно была в квартире уже после убийства.

– Объясните, – пожал плечами Васин. – Все равно не понял.

– Савелий, ты же ходил в магазин, – укоризненно покачал головой Бойко.

– Ходил. Ну и при чем тут новая рекламная вывеска? Равно как и старая. Если не считать ваших ботинок, то криминала здесь ни на грош.

– Разумеется. Только вот тебе рассказали, что эту отвратительную старую стеклянную вывеску они сняли утром, а новую начали монтировать только после обеда, то есть после двух часов дня.

Так как Савелий продолжал угрюмо молчать, Бойко вздохнул и сунул ему в руки снимок.

– Смотри внимательно на фотографию!

– Смотрю. И что? Боярцева, смазанная, на фоне окна... Голова странно повернута.

– Но все же элементарно, Васин. Эксперты установили, что Лебедева убили не позже чем в двенадцать часов, так? Теперь посмотри, что там, в окне, видно?

– Ой! Так это же новая реклама. Выходит, снимок сделан уже после убийства!

Васин поднял на Бойко глаза, в которых читалась откровенная растерянность:

– А каким же образом так получилось? Ведь не специально она это сделала? Или это кто-то другой еще с ней был?

– Не думаю, что там был кто-то еще. Просто досадная случайность, мелочь, на каких обычно и ловятся преступники. Помнишь, когда мы по студии Лебедева ходили, там у фотоаппаратов такие – не знаю, как правильно называются, – ну, проводочки с пультом дистанционного управления на конце. Знаешь, когда управляют съемкой не из-за самого аппарата, а сидя или стоя перед объективом. Короче, я сам едва на такой не наступил. Думаю, она случайно задела его, и аппарат сработал. Но так как это была просто невинная случайная фотография, Боярцева решила ничего не трогать, чтобы не наследить. А может, торопилась очень. Ведь логика здесь простая: все равно она на многих снимках, какие подозрения? Ты, наверное, обратил внимание, что Лебедев не выставляет на своих аппаратах все эти опции для точной фиксации дня, месяца, времени. Ну вот, и она тоже наверняка это знала. Так что лишняя фотография ей ничем не грозила. Реклама вот только подвела. Выходит, Боярцева как минимум соврала дважды: что была вчера на даче с молодым человеком и что не знала про убийство.

– А что она тогда столько времени делала в квартире? Почему сразу не ушла?

– Точно не скажу, но, скорее всего, искала что-то. Может быть, съемку специфическую, учитывая, с кем мы имеем дело. У женщин свои тайны. Плохо только, что иногда это приводит к убийствам. Слушай, мы когда-нибудь доедем до аэропорта? Я ведь так могу в Осло опоздать...

«Дорогой Юрий Иванович! Узнав, что вы решили задержаться в замечательном городе Осло еще на целый месяц, решил вкратце рассказать вам, как продвигается расследование убийства фотографа Л., в котором вы сыграли ключевую роль. Всего, конечно, написать в письме не могу – сами знаете, тайна следствия. Но в общих чертах дело обстоит следующим образом.

Л. всерьез увлекся А. Б. и даже решил расстаться с невестой Н. П. – отсюда все их ссоры в последнее время. Однако вскоре Л. узнал, что его новая любовь употребляет наркотики. После неудачной попытки отвадить ее от этого занятия он заявил, что у них ничего не получится и что он возвращается к Н. П. А. Б. была в ярости. Она-то рассчитывала в скором времени обзавестись богатым мужем, который поможет ей рассчитаться с накопившимися долгами, а тут такой облом. Ну, вот тогда-то ей и пришла в голову мысль убить Л. Уверенная, что фотограф держит дома большую сумму денег, она рассчитывала не просто отомстить ему, но и пожить. После убийства А. Б. долго искала в квартире деньги и ценности, но так ничего и не нашла. Вы скажете: для того чтобы спокойно провести пару часов рядом с трупом, нужно иметь железные нервы. На самом деле нервы у этой дамочки ни к черту, однако не забывайте, что она наркоманка, а у них каких только сдвигов не бывает.

Так вот, решив разделаться с любовником, А. Б. разработала хитроумный план с целью не просто состряпать себе надежное алиби, но заодно и подвести под подозрение давнюю приятельницу Н. П. – ее она тоже считала виновной в неудаче своего романа с Л. Орудием убий-

ства А. Б. избрала старинную бронзовую пепельницу, которую сама же не так давно подарила Л. Оказалось, однако, что у этой пепельницы есть точная копия, которую мы потом нашли при обыске в квартире подозреваемой. В свое время А. Б. купила две одинаковые старинные пепельницы, так называемую парную вещь. Одну она подарила Л., с которым у нее только начинался роман, другую же оставила себе. Говорила, что в этом есть некий тайный смысл: две половинки, две части души и т. д. Хотя странно, конечно, имея в виду, что это все-таки пепельницы. Короче говоря, А. Б. под каким-то предлогом заманила к себе в гости Н. П. и устроила все таким образом, чтобы та оставила на абсолютно чистенькой бронзовой пепельнице как можно больше своих отпечатков. После этого нужно было только выбрать время для убийства. Когда подвернулся удачный момент, А. Б. заявила к Л., отвлекла его внимание трогательными просьбами о прощении, сама тем временем достала из сумочки принесенную с собой пепельницу и шарахнула фотографа по голове. Орудие убийства с «пальчиками» подружки бросила тут же, возле тела, а пепельницу, принадлежавшую Л., отнесла к себе домой. Все, казалось, было выполнено блестяще, а рассказ о поездке на дачу должен был подтвердить ее давний дружок – тоже, кстати, наркоман со стажем. Только в это дело вмешался-таки господин случай – накануне Н. П. совершенно неожиданно сломала руку. А еще вмешались вы, дорогой Холмс, и я вам за это безмерно благодарен. Вы – гениальнейший сыщик нашего времени!

Закончилось все тем, что на допросе, припертая к стенке всеми собранными против нее уликами, А. Б. довольно быстро скисла, после чего собственноручно написала признание, благо у этой дамочки руки не переломаны.

Вот, собственно, и все. Еще раз благодарю за помощь! До встречи на родине.

Савелий Васин.

Р. S. Надеюсь, Осло действительно замечательный город. Успехов вам на шахматном поприще!»

«Дорогой Ватсон! Спасибо за подробное письмо. Очень рад, что не зря тогда опоздал на самолет. Все же шахматы шахматами, но раскрытие убийства – дело серьезное. Приятно, что смог оказаться полезным для твоего расследования, – есть еще, оказывается, порох в пороховницах. Надеюсь, скоро увидимся, и тогда я расскажу тебе о происходивших здесь шахматных баталиях, а ты расскажешь о баталиях оперативных. Удачи тебе.

Твой Холмс».

Детская хитрость

Степан Токмаков только что вернулся из отпуска, который провел в Крыму вместе с семьей – женой Надей и двумя детьми. Говоря по правде, такого замечательного отдыха у него не случалось уже много лет. Он загорел, посвежел и повеселел. И самое главное – отоспался. Но поболтать о прекрасно проведенных отпускных денечках со своими коллегами ему в этот раз так и не довелось. Очутившись на рабочем месте, он сразу же понял, что в разгаре какая-то серьезная операция. Помятые, посеревшие лица приятелей, как правило, свидетельствовали о том, что произошло чрезвычайное происшествие.

– А, Токмаков! Как ты кстати, дружище, – приветствовал его лейтенант Сорокин, неуклюже вылезая из-за стола. Он был вызывающе толст, вечно потел и никогда не расставался с носовым платком. – Пусть Руденко расскажет тебе о наших делах, и ты быстренько подключишься. Ты приехал к самой развязке нашего крупного и красивого дела. Надеюсь, мы сегодня его закончим.

– Судя по вашим небритым физиономиям, дело действительно крупное, – не преминул заметить Степан.

– Мы взяли Колю Бриллианта, – пояснил Руденко. У него было красивое и румяное, почти девичье лицо и при этом железная выдержка. – Он уже сидит в предварилровке. И охрана у него почище президентской.

Степан присвистнул. Коля Бриллиант был птичкой высокого полета, и по нему плакали тюремные камеры многих стран не только СНГ, но и Европы. Однако этот тип имел высоких покровителей и, помимо прочего, достаточно ума, чтобы постоянно заботиться о своем «честном имени».

– И на чем же Бриллиант погорел? – с интересом спросил Степан и добавил: – Мне просто не верится...

– Да ни на чем он не погорел, – усмехнулся Руденко. – Его сдал собственный адвокат. Этот так называемый законник в последнее время пару раз крупно прокололся и подозревал, что его вот-вот пустят в расход. По крайней мере, хозяин был ужасно недоволен, и это испугало старика. Он столько лет работал на Колю, столько секретов хранится в его светлой голове, что можно месяц говорить не умолкая.

– Думаю, у этого смелого мужика тоже президентская охрана? – усмехнулся Степан.

– Бери выше – королевская.

– Ты, Токмаков, поезжай-ка сейчас с ребятами к Коле Бриллианту домой, – распорядился Сорокин. – По оперативным данным, в его особнячке находится крупная сумма денег, которые он снял со своей последней крупной сделки. Деньги следует изъять, и будем считать, что мы свою работу завершили.

Уже в машине Степан задумчиво сказал:

– Шеф наверняка в приподнятом настроении. После такого дела он может пойти на повышение.

– Смеешься? – проворчал Руденко. – Шеф как раз, наоборот, в жутко подавленном настроении – напуган не меньше того адвокатишки. Отправил в Тмутаракань свою семью... Честно говоря, я ему не завидую. Одно дело, когда идешь на такую операцию сознательно, и совсем другое, когда подарочек сваливается на тебя внезапно и ты не имеешь понятия, действительно ли контролируешь ситуацию или это чья-то ловкая подстава.

Тем временем машина выехала за пределы Кольцевой и помчалась по шоссе в сторону элитного поселка, в котором обосновался Коля Бриллиант.

– А почему вы так уверены, что деньги в доме? – поинтересовался Степан.

– За курьером следили. В доме находились только сам Коля и его жена Анжелика. Колю взяли на улице, прямо возле парадного входа. Денег у него при себе не было. Курьера повязали еще раньше, он тоже оказался пустым. Жена Коли на улице вообще не показывалась. Дом под наблюдением, так что деньги точно где-то внутри.

Тем временем машина остановилась возле мощных ворот. Основательный двухэтажный особняк стоял в глубине усадьбы. Его окружали часто посаженные деревья и кусты, укрощенные садовниками. Лишь перед входом простиралась внушительная площадь, посыпанная желтым песком, в центре которой находился монументальный фонтан. Однообразный плеск воды, солнечный свет, просеянный сквозь решето зелени, щебет птиц в листве – все это должно было действовать умиротворяюще. Однако оперативники привезли с собой тревогу, и атмосфера вокруг мгновенно наэлектризовалась.

Все вышли из машины и огляделись. Почти сразу же к ним подошел человек, который наблюдал за домом со стороны главного входа. Он и сейчас шарил глазами по фасаду, боясь хотя бы на секунду отвести взгляд.

– Все тихо, – доложил он. – Женщина по-прежнему в доме. Она никуда не выходила, даже во двор. И к ней никто не приходил. Мы периодически видим ее в окнах – она беспрестанно переходит из комнаты в комнату, нигде подолгу не задерживаясь.

– Может, она собирает свои пожитки? – вслух подумал Степан. – Вряд ли этот особнячок перейдет в ее владение. Она же не дура, должна все понимать.

После часа общения с женой Коли Бриллианта Степан вынужден был признать, что ошибся. Анжелика оказалась абсолютной дурочкой. Когда она открыла дверь, оперативники на секунду лишились дара речи. Дамочка была настоящей конфеткой – блондинка с кукольным лицом, осиной талией и радующим глаз бюстом. Когда ей сообщили, что ее муж арестован, она похлопала подкрашенными ресницами и простодушно спросила:

– Я теперь все равно что вдова?

– Не знаю, кем вы себя ощущаете, леди, но нам бы хотелось приступить к осмотру дома, – сказал капитан Шаюров. Он был самым старшим в группе и вечно ходил с кислой миной. – Давайте уладим все формальности.

Степан Токмаков с уважением огляделся по сторонам. Если снаружи дом выглядел просто представительным, то внутри он оказался по-настоящему роскошным. Это был тот самый случай, когда ковры ручной работы лежат у порога, а в спальне в изголовье кровати висит по меньшей мере Ренуар.

– Домик не маленький, – тихо заметил Степан, наклонившись к Руденко. – Если Анжелика не скажет, где деньги, мы проторчим здесь неделю.

С Анжеликой беседовал Шаюров. Все знали, что он женоненавистник, поэтому никто особо не возражал против того, чтобы именно он разбирался с этой куколкой. По крайней мере, ее смазливая мордашка не собьет Шаюрова с толку.

Анжелика сидела напротив капитана, выпрямив спину и скрестив ножки, и без конца перебивала его личными вопросами. Судя по всему, она пыталась проанализировать свое положение в сложившейся ситуации.

Степан тихо вошел в комнату и встал у стены, прислушиваясь и присматриваясь. Анжелика была одета в узкие белые брючки и голубой свитер и, чего греха таить, выглядела бесподобно. «Вот если бы ресницами она все время не хлопала, была бы просто очаровательной», – подумал он.

– А я получу какую-нибудь компенсацию от милиции? – с интересом спросила Анжелика, проведя кончиком языка по нижней губе. Было ясно, что это азарт, а не кокетство.

– За что это? – опешил Шаюров.

Он был чисто выбрит, испытывал от этого дискомфорт и все время проводил тыльной стороной руки то по одной щеке, то по другой.

– Ну... Вы же забрали у меня мужа? – Она бросила косой взгляд на Степана. Тот невольно усмехнулся и вышел.

Если красивая женщина чувствует, что у нее есть зрители, она перестает быть свидетелем и думает лишь о том, как выгоднее сесть и какое выражение лица выбрать.

Через некоторое время Шаюров появился в коридоре. В руке у него был мятый носовой платок, которым он вытирал вспотевший лоб.

– Почему бандиты женятся только на идиотках?

– Риторический вопрос, – откликнулся Степан. – У меня такое впечатление, что я ее где-то видел.

– Ну и что из этого?

– Да ничего, просто подумалось.

– Ты мог ее видеть где угодно. Не удивлюсь, если узнаю, что она занималась благотворительностью и ее фото печатали в журналах. Может быть, ее и по телевизору показывали.

– Но тогда она еще кому-то из вас должна была бы показаться знакомой.

– Токмаков, ты опять все усложняешь, – не выдержал капитан. – Вон Руденко проверял эту... леди и был совершенно категоричен: она пустышка, у правоохранительных органов к ней нет никаких претензий.

– Ну что ж, одной головной болью меньше, – пробормотал Степан. – На нет и суда нет.

На вопрос, где ее муж хранил документы и ценности, Анжелика ответила сразу и безо всяких колебаний. В кабинете наверху есть потайной сейф, который она охотно вызвалась показать оперативникам. Поднимаясь впереди Шаюрова на второй этаж и постоянно оглядываясь, Анжелика продолжала бомбардировать его животрепещущими вопросами:

– А я могу развестись со своим мужем без его согласия? Ведь он теперь настоящий уголовник.

– Суда еще не было, – буркнул Шаюров.

– Его наверняка приговорят к пожизненному заключению, – щебетала Анжелика. – Или по меньшей мере к двадцати годам лишения свободы. Коленьке сейчас пятьдесят. Значит, я могу спокойно выйти замуж снова. Когда он освободится, ему будет уже не до женщин, правда? Как вы считаете?

Вместо ответа Шаюров прибавил шаг.

В обычном сейфе, который находился возле стола Коли Бриллианта, лежали бумаги, не представлявшие никакого интереса для следствия. Анжелика подошла к стеллажу с книгами, вытащила два ничем не примечательных тома из ряда других таких же и, просунув руку в образовавшуюся пустоту, нажала на скрытую кнопку. Одна из полок начала бесшумно поворачиваться. Через минуту оперативники увидели дверцу второго сейфа, более массивного.

– Шифра я не знаю, – призналась Анжелика. – Коленька мне ничего такого не говорил. Он, правда, не раз открывал его при мне, но я не обращала внимания, что за цифры он набирает. Может быть, шифр у него где-нибудь записан? Поискать в записной книжке?

– Мы справимся, – пробормотал Руденко, стараясь не глазеть на ее прелести. – Вы пока идите вниз...

– Нет уж, я хочу присутствовать, – запротестовала Анжелика. – Должна же я знать, сколько там денег.

– Так там что, наличные? – как бы между прочим спросил Степан.

– Ну, наверное! – с воодушевлением ответила она. – Что можно держать в секретном сейфе? Может, еще пистолет.

Пока не приехали специалисты, оперативники осматривали другие комнаты в доме. Степан никак не мог отделаться от мысли, что он где-то видел Анжелику раньше. Его это терзало,

ощущение было навязчивым и не желало исчезать. Он специально пару раз проходил мимо, бросая на «почти вдову» быстрые взгляды, но так ничего и не вспомнил.

Наконец сейф был открыт: все снова собрались в кабинете, ожидая, какую начинку из него извлекут. Сейф оказался набит драгоценностями: дорогие перстни, золотые часы, броши и браслеты в будоражащих воображение бархатных коробочках... Но никаких наличных денег.

Однако все знали, что переданные курьером деньги не могли уплыть из дому! Огромная сумма – две приличные пачки, состоящие из крупных купюр.

Курьер клялся, что он передал их Коле Бриллианту в собственные руки. Однако денег нигде не было. Обыск продолжался несколько суток. Сыщики использовали весь свой опыт и талант, а начальство – всю возможную технику, чтобы разыскать еще какой-нибудь тайник, но тщетно. Анжелика все эти дни держалась очень спокойно и даже пыталась заигрывать кое с кем из оперативников. В шутку, пояснила она. Не будет же она связываться с низкооплачиваемым служащим, когда ей так привычна безбедная жизнь в роскошном особняке. Она ужасно надеялась на то, что судьи будут милыми и оставят ей кусочек жирного пирога. Только об этом она и мечтала. По всей видимости, она даже не виделась со своим мужем после ареста – он был бесполезен, жалок и совершенно не похож на того мужчину, за которого она выходила замуж. Теперь ей нужно было заботиться о себе самой.

Настал день, когда дело Коли Бриллианта все-таки закрыли. Ему вынесли жесткий приговор, не подлежащий обжалованию. Начальники благополучно пережили свой триумф и наконец перестали бояться, что кто-нибудь из покровителей Коли отомстит им. Если таковые и были, они предпочитали думать о себе, а не о мести. Анжелика, почти что нищая и совершенно раздавленная этим обстоятельством, собиралась перебраться к своей сестре в Самару. В последний раз, когда Степан видел ее, она была заплаканной и без косметики.

– Мне совершенно не на что жить, – причитала она, ища сочувствия у всех, кто мог ее слышать. – Это так несправедливо. Придется просить помощи у родственников. Для меня это катастрофа...

В тот день, когда Анжелика зарезервировала билет на самолет, Степан вдруг вспомнил, где он ее видел. Он сидел дома с бутылочкой пива и газетой, когда зазвонил телефон.

– Степан, – крикнула ему жена. – Это тебя! Иди скорее, это Пашка Садовских.

Пашка был его старым приятелем, одно время он жил неподалеку, а два года назад женился и переехал в другой район. Степан был у него в гостях только пару раз за все это время. В настоящий момент Пашка работал в Министерстве финансов и занимал большой пост.

Взяв трубку, Степан услышал характерные приглушенные голоса и понял, что приятель звонит со службы. Он непроизвольно представил себе его кабинет... и буквально замер с трубкой в руках. Поговорив с Пашкой несколько минут о том о сем, он не выдержал и спросил:

– Послушай, когда я был у тебя в последний раз, в приемной сидела хорошенькая секретарша. Тогда она была брюнеткой с короткой стрижкой. Уверяю тебя, это не пустое любопытство...

– А, Анжелика! – воскликнул Пашка. – Она вышла замуж за какого-то состоятельного парня и уволилась. Только она была не секретаршей, а моей помощницей. Кстати, бесподобно умная женщина. У нее коэффициент интеллекта выше, чем у всех советников министерства, вместе взятых.

Положив трубку, Степан схватил себя за волосы и, словно в наказание, несколько раз сильно дернул.

– Идиот! – принялся он ругать себя. – Кретин, болван, придурок...

– Тебе надо было посмотреть ее личное дело, если ты так силен вспомнить, где вы виделись, – укоризненно заметила жена, когда он рассказал ей о своем открытии.

– Я думал, это не имеет никакого значения, – пробормотал тот, расхаживая по комнате. – Скорее всего, именно эта девица и прикарманила все денежки. Но как? Где она их схоронила? Спрятать их в доме было немыслимо, нигде. А из дома она не выходила.

Конечно же, Анжелика отправилась вовсе не в Самару. Какая Самара! Даже не смешно. Она уже сняла себе апартаменты на берегу океана, а Степан Токмаков все еще метался по комнате, ругая себя на чем свет стоит. Если бы он раньше узнал, что Анжелика не такая дура, какой хотела казаться, у него было бы время вычислить, где она спрятала деньги. Возможно, конечно, что их спрятал сам Коля, но она-то точно знала, где они лежат, и наверняка уже прибрала их к рукам. Пашка сказал, что с удовольствием снова взял бы Анжелику на работу, она спокойно могла бы попробовать устроиться на прежнее место, но нет – она предпочла хныкать и рассказывать всем, что ей придется сидеть на шее у сестры, дескать, без мужа она совершенно беспомощна.

В соседней комнате слышались смех и визги детей. Надежда играла с ними в прятки. Степан отвлекся от своих мыслей и прислушался улыбаясь.

– Я сдаюсь! – донесся до него голос жены. – Я не знаю, где спрятался Митя. Я обыскала буквально весь дом! Говори, Лю баша, где твой хитрый братец?

– Он в шкафу, – визжа от восторга, закричала Любаша.

– Но ведь это же ТЫ была в шкафу! – смеясь, воскликнула Надежда.

– А он сидит в другом углу! Просто ты меня сразу нашла и поэтому подумала, что там больше никого нет, мамочка.

– А, это такая специальная хитрость, – засмеялась Надежда. – Ну ладно, в следующий раз вы меня не проведете!

Степан в это время отхлебнул воду из стакана и чуть не подавился. Господи, как просто! Почему никто из них не подумал об этом раньше?

На следующее утро весь отдел гудел, как встревоженный улей.

– Подумай, какая хитрюга! – возмущался лейтенант. – Провела нас как мальчиков! Конечно, когда мы нашли в сейфе такую кучу драгоценностей, нам и в голову не могло прийти, что в этом же сейфе есть что-то еще.

– Потайное отделение, которое никто не нашел, – буркнул Шаюров.

– Потому что никто не искал. Оно не так уж хитро устроено, кстати, – сообщил Руденко.

– Я думаю, она припрятала там еще и свои украшения. Она ведь не знала, оставят ей хоть что-то или конфискуют все. Вот голова!

– А казалась совершеннейшей дурочкой, – вздохнул Шаюров. – Но мы лопухнулись капитально. У нас совершенно никаких улик. Совершенно. Можно даже не искать ее, она уже давно открыла где-нибудь счет.

Анжелика лежала на песке под ярким солнцем и улыбалась своим собственным мыслям. Ей нравилось то, что она сделала. Ее муж всегда искал сложных путей и решений. Поэтому он и попался. «Надо быть проще, – думала Анжелика. – Люди так одинаково устроены, что в жизни стоит, пожалуй, чаще пользоваться подобными детскими хитростями».

Сладкая смерть

Толик Левашов сидел в скверике неподалеку от офиса частного сыскного агентства, в котором успешно трудился вот уже несколько лет. Толик развалился на скамейке и лениво поглядывал по сторонам. У них с напарником выдалось несколько трудных денечков: последнее дело приобрело слишком большие масштабы, и долгие часы пришлось провести в прокуратуре, беседуя со следователями. Шеф, обычно жесткий и не отличавшийся участливостью, неожиданно предложил им с Денисом пару внеочередных выходных. Когда его напарник появился в конце аллеи, Толик помахал рукой. Тот подошел и плюхнулся рядом.

– Жуть, – сказал он. – Такой кучи отчетов не требуют даже в министерствах. Я новые штаны протер, пока бумажки писал.

– Давай поедem на природу, – предложил Толик, прикуривая и мечтательно выпуская дым в небо. Небо было высоким и блеклым. По верхушкам тяжелых лип катилась солнечная монетка. Блестки осыпались вниз и падали в пруд, прыгая по гладкой воде. – Я позвоню Светке...

Денис замялся. Взгляд его сделался скучным, как у любителя шахмат, попавшего в компанию футбольных болельщиков.

– Э-э, – сказал он и замолчал. Стало слышно, как рядом гудит пчела, задумавшая опылить урну, полную цветных бумажных оберток. Денис прогнал ее, энергично помахав рукой, и тяжело вздохнул: – Отправляйтесь со Светкой вдвоем. У меня ничего не получится.

– Ну вот, – огорчился Толик, хлопнув ладонью по коленке. И тут же насторожился. – У тебя что, какие-то проблемы?

Денис пожал плечами. С ним всегда так. Сплетник из сплетников! Но как только дело касается его лично, он становится неразговорчивым, и все из него клещами вытаскивай.

– Серьезные проблемы? – не отставал Толик.

– Так, ерунда. – Заметив подозрительный взгляд друга, он досадливо крикнул: – Ну, ладно, ладно... Есть у меня тут одна заноза.

– Женщина?

– Женщина, – подтвердил Денис. – Дина Азарова. Так ее зовут. Вернее, звали.

– Звали? Постой-ка, это не та, о которой все газеты писали? Манекенщица? Вроде как она покончила с собой?

– Та самая.

Денис сказал это небрежным тоном. Потом закинул руки за голову и потянулся с видом кота, которому нет дела до разгневанных криков, доносящихся с кухни. Но разве напарника обманешь? С ним он проводил в десять раз больше времени, чем с любимой девушкой.

– Ты был как-то связан с этой Азаровой? – спросил между тем Толик. В его голосе проскользнуло беспокойство. Стало ясно, что от этого беспокойства никуда не деться.

Денис тяжело вздохнул:

– Хочешь, чтобы я рассказал?

– Угу. В газеты попадает только все самое несущественное, ты ведь знаешь. Ни одной интригующей подробности. И разумеется, ни слова о мотивах.

– Ладно, – сдался Денис. – Я тебя просвещу.

Толик вытряхнул из пачки еще одну сигарету и приготовился слушать.

– У меня есть друг, Игорь Бубенцов. Одно время он был влюблен в эту самую Дину Азарову. Их головокружительный роман продолжался больше года. Но потом чувства остыли, и Бубенцов решил вернуться к жене. Ну, не то чтобы вернуться. Он вовсе от нее и не уходил. Жена знала о его интрижке и заняла выжидательную позицию. Наверное, надеялась, что рано

или поздно роман закончится. И вот этот день наступил. Бубенцов задумал восстановить брак. И сообщил об этом любовнице. Дине.

Денис замолчал и принялся играть зажигалкой – огонек то вспыхивал, то укладывался набок, а потом бесследно исчезал.

– Ну? – сердито спросил Толик. – Я люблю истории с каким-нибудь концом – плохим или хорошим, а ты все тянешь.

– На чем я остановился?

– Бубенцов сообщил Дине о том, что возвращается к жене, – подсказал он. – А Дина...

– А Дина взяла и отравилась.

Толик некоторое время молчал, переваривая услышанное.

– И что? – наконец спросил он.

Денис пожал плечами:

– И все.

– Потрясающе, – буркнул Толик. – Сказать по правде, это уж больно сжатый рассказ.

– Зачем тебе сдался подробный?

– Хочу знать, что тебя настораживает. Тебя ведь что-то настораживает, верно? Может быть, ты думаешь, что твой друг помог надоевшей любовнице переселиться на тот свет?

Денис отмахнулся:

– Нет, Бубенцова я ни в коем случае не подозреваю. Он просто на такое неспособен.

– И это я слышу от человека, который работает со мной бок о бок много лет и видит то же, что и я. Сплошь приличных людей, которые каждый день совершают какие-то пакости.

– Говорю тебе, Бубенцов ни при чем. Но смерть его любовницы меня тревожит. Я пару раз встречал его с Диной, и об этой дамочке у меня сложилось совершенно определенное мнение. Сам говоришь, опыт... Его не пропнешь.

– Да, но женщины непредсказуемы, Денис! Что тебе не дает покоя?

– В самом деле интересно или это ты так, из вежливости?

– Блин, конечно, интересно. Ты ж не баба, чтобы перед тобой расшаркиваться.

Его напарник спрятал зажигалку в карман, наклонился, сорвал крупную ромашку и принялся терзать ее, пуская лепестки по ветру. Они взмывали вверх, а потом падали на траву, словно оборванные стрекозиные крылья.

– Так вот, – сказал Денис. – Эта Дина была такой штучкой! Я никак не могу поверить, что она наложила на себя руки. Понимаешь, самоубийство совершенно не в ее характере. Ее нельзя было назвать ангелом. Она была...

– Вредной.

– Точно. Откуда ты знаешь?

– Если про женщину нельзя сказать, что она ангел, значит, она вредная.

Денис вздохнул. Несмотря на два развода, он все еще идеализировал прекрасный пол, искренне веря, что в его тихую заводь акулы заплывали по чистой случайности.

– Да, Дина была той еще штучкой!

– И тебе кажется, что эту штучку кто-то ухлопал.

– Если честно, Толь, меня так измучила эта мысль, что я решил неучтенные выходные посвятить собственному расследованию.

– Пойдешь по следам родной милиции?

– Ну и что? Милиция эту Дину живьем не видела. Кроме того, расследование было простой формальностью. После того как Бубенцов позвонил и сделал свое сенсационное заявление, с Диной случилась истерика. Соседка слышала, как она рыдала и кричала, что ей больше незачем жить. В ее квартире нашли снотворное, да и конфеты, нашпигованные этим снотворным, она сама купила возле дома. Так что никакого расследования, собственно, и не было.

– Слушай, дружище, неужели ты превратился в поборника справедливости? – подозрительно спросил Толик. – Твоего друга никто ни в чем не подозревает, защищать его не нужно...

– У меня особый интерес, – неохотно признался Денис. Расправившись с ромашкой, он принялся крутить свою пуговицу. Та держалась из последних сил. – Понимаешь, Бубенцов в самом деле разлюбил Дину. Мы с ним довольно близкие друзья, он рассказывал мне о своих планах, о том, что хочет расстаться с любовницей и просить прощения у жены.

– Ну и?

– Но когда этой женщины не стало... Игорь вроде бы и помирился с Натальей, однако самоубийство Дины его потрясло. Он думает, она отравилась из-за сильного чувства, и понимает, что виноват в ее смерти. Убив себя, Дина как бы обессмертила свою любовь и сделала невозможным восстановление прежних отношений между Натальей и Игорем. Теперь ее призрак всегда будет стоять между ними.

– Может, она убила себя просто из вредности? – предположил Толик.

Денис пожал плечами:

– В любом случае в ее самоубийстве все же есть нечто странное.

– И что это?

– Вот смотри, как было дело. – Денис развернулся к напарнику всем корпусом и, чертыхнувшись, засунул отвалившуюся таки пуговицу в карман штанов. – Вечером Бубенцов позвонил Дине и сообщил, что больше не станет встречаться с ней. Она, промучившись всю ночь, утром пошла в магазин, купила коробку дорогих конфет и начинила часть из них сильным снотворным. Вечером она эти конфеты съела.

– Что-то типа русской рулетки? Взять конфетку, не зная: отравлена – не отравлена?

– Вот именно! – В голосе Дениса появился настоящий азарт. – Нет, ну разве не странно, что она начинила конфеты снотворным и слопала их?

– Хм. Может, она хотела отравить неверного любовника, а потом передумала?

– Она не могла строить коварные планы: Игорь ясно сказал, что больше никогда не придет к ней.

– Да ну! Она могла надеяться на то, что уговорит любовничка. Ты спрашивал у Бубенцова, она подбивала его встретиться для последнего разговора?

– Пыталась. Она заходила к нему в офис перед обедом пятого числа – в тот день она умерла.

– Ну вот! – воскликнул Толик. – Но, вижу, ты уперся. Тебя уже не сломить. Так с чего мы начнем наше расследование?

– Наше?

– Да ладно, дружище, конечно, я тебе помогу. – Он подмигнул напарнику. – У нас же выходные.

Первым делом детективы распределили обязанности. Денис должен был выяснить, причем как можно точнее, чем занималась в последний день своей жизни Дина Азарова, а Толик взял на себя лирическую часть. Он собирался поговорить с Натальей Бубенцовой, с продавщицами кондитерского магазина, где были куплены злосчастные конфеты, и с секретаршей Бубенцова, рыжеволосой Лидой. Лида больше всего интересовала Толика. Дело в том, что она находилась в офисе в тот момент, когда грядущая самоубийца в последний раз виделась со своим возлюбленным.

Любые задания, связанные со слабым полом, Толик выполнял блестяще. Женщины считали его обаятельным, шеф – ловким, Денис – смазливый, а сам себе он казался совершенно неотразимым. «Не знаю, чем я располагаю к себе дамочек, но мне они рассказывают все свои секреты», – обычно хвалился он, легкомысленно помахивая в воздухе рукой.

Небольшой магазин, в котором Дина Азарова купила конфеты, находился неподалеку от ее дома. Толик подумал, что это еще один плюсики в пользу версии самоубийства. Хотя... что

это он? Убийца мог следить за Диной, мог видеть, что она купила конфеты, и каким-то образом добраться до них.

У девушки, продавшей конфеты Дине Азаровой, сегодня был выходной. К счастью, она проводила его дома в одиночестве, поэтому Толику удалось быстро разыскать ее и, как водится, расположить к откровенной беседе.

– Это очень дорогие конфеты, – сообщила молоденькая Маша очаровательному детективу Левашову. – Называются «Ночная жара». Наверное, потому что часть из них начинена экзотическими ликерами. Они так обжигают язык и гортань! А какая у них коробка – фантастика. Гнездышки для конфет выложены крапчатой с золотом калькой...

– А вы могли бы отличить эту коробку конфет от другой такой же? – с любопытством спросил Толик.

– Ой, да! – неожиданно удивилась собственному открытию Маша. – В тот день мы продали несколько коробок. Они хоть и дорогие, но их хорошо покупают. Как-то раз одна дама приобрела такие конфеты и тут же в магазине рассыпала их. И это несмотря на то, что на коробке есть замочек! Тогда наш шеф велел, когда мы чек принимаем, скреплять коробки клейкой лентой – на всякий случай.

– Так-так, – оживился Толик. – А в этот раз...

– А в этот раз клейкая лента упала и куда-то закатилась, у меня не было времени ее искать, и я прихватила замочек на коробке стикером с эмблемой нашего магазина.

– Как он выглядит?

– Я могу вам дать, – Маша достала небольшой лист с наклейками и застенчиво протянула Толику.

Вечером напарники встретились у Дениса на даче. Они устроились на просторной веранде, заставив деревянный стол тарелками и приготовив себе огромную емкость с кофе. Денис разложил на столе свои записи – разграфленные листы, исписанные мелким каллиграфическим почерком, а Толик свои – странички из записной книжки, испещренные легкомысленными каракулями.

– Чур, ты начинаешь, – сказал Толик, запихивая в рот кусок колбасы, извлеченной из вакуумной упаковки. Колбаса была скользкой и пахла мокрой бумагой. Однако, как доказано наукой, желудок голодного мужчины способен переварить все, что в данный момент находится в холодильнике, включая заплесневелый сыр и просроченные консервы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.